ЕГОР МЕДВЕДЕВ

ФОТО С ТОГО СВЕТА

Фото с того света

Егор Медведев

Аннотация

После смерти Эмили Дэниел пытается привыкнуть к пустоте. Её разбитый телефон он положил в гроб вместе с ней, словно последнюю вещь, связывавшую девушку с прежней жизнью.

Но вскоре каждый вечер ровно в 19:17 ему начинают приходить фотографии с её номера.

Сначала незнакомые места. Затем улицы его города. Потом сам Дэниел, снятый кем-то издалека.

А однажды на снимке появляется мёртвая Эмили. С каждой новой фотографией она оказывается всё ближе к его дому.

Дэниел пытается выяснить, кто отправляет сообщения. Он обращается за помощью, проверяет фотографии, записывает происходящее в дневник. Но постепенно обнаруживает, что собственные воспоминания противоречат реальным событиям. Иногда он совершенно уверен в том, чего, по словам окружающих, никогда не происходило.

Кто наблюдает за ним? И можно ли верить тому, что он видит?

«Фото с того света» - мистический психологический хоррор о любви, утрате и чувстве вины, способном изменить само восприятие реальности.

Содержание

ФОТО С ТОГО СВЕТА — 5
Одержимость — 6
Послания — 11

ФОТО С ТОГО СВЕТА

«Девочка, девочка, гроб на колёсиках нашёл твой дом!»

Детская страшилка

Одержимость

После смерти Эмили Дэниел обнаружил, что человеку бывает удивительно трудно расстаться с самыми обыкновенными вещами.

Её чашка по-прежнему стояла на кухонной полке. В ванной осталась зубная щётка, а на спинке стула в спальне висел серый кардиган, который она любила надевать по вечерам. Дэниел несколько раз собирался убрать его в шкаф, но всякий раз находил причину отложить это дело.

Особенно тяжело было проходить мимо письменного стола у окна.

Здесь Эмили обычно разбирала фотографии. Она могла часами сидеть перед монитором, увеличивать изображения, менять освещение, удалять случайно попавшие в кадр предметы. Иногда звала Дэниела и просила выбрать лучший снимок из двух почти одинаковых.

Он честно пытался найти различия.

«На первом свет мягче», говорила она, когда он окончательно сдавался. «Посмотри, как падает тень от ветки».

Дэниел смотрел. Потом переводил взгляд на Эмили и пожимал плечами. Она смеялась, называла его безнадёжным человеком и возвращалась к работе.

Теперь монитор большую часть времени оставался выключенным.

Фотографии были главным увлечением Эмили с самого детства. Она снимала всё, что привлекало её внимание: старые дома, случайных прохожих, мокрые после дождя улицы, птиц на проводах. Ей особенно нравились короткие мгновения, когда привычный предмет вдруг выглядел совершенно иначе из-за освещения или выбранного ракурса.

Дэниел часто становился героем её снимков.

Иногда она фотографировала его незаметно, когда он читал, готовил ужин или разговаривал по телефону. Ему это нравилось далеко не всегда, особенно когда очередная фотография обнаруживала растрёпанные волосы или нелепое выражение лица.

«Когда-нибудь ты будешь благодарен мне за каждый такой снимок», уверяла Эмили.

Однажды она показала ему фотографию, сделанную во время прогулки. Они сидели на деревянной скамейке, тесно прижавшись друг к другу. Дэниел смотрел в сторону, а Эмили улыбалась прямо в камеру.

«Вот эту обязательно сохрани», попросила она.

«Почему именно эту?»

«Потому что мы здесь счастливые».

Он помнил этот разговор с мучительной отчётливостью.

Последние три месяца Дэниел часто возвращался к той фотографии. Иногда открывал её перед сном и долго разглядывал лицо Эмили, пытаясь вспомнить, о чём они говорили в тот день.

Снимок сохранил выражение её глаз, улыбку, несколько выбившихся из причёски прядей. Но голос, который прежде звучал в его памяти совершенно отчётливо, постепенно утрачивал знакомые интонации.

Это пугало его сильнее, чем он мог признаться даже самому себе.

* * *

Эмили погибла в конце сентября.

В тот день она отправилась к старой водонапорной башне на окраине города. Сооружение давно перестали использовать по назначению, однако с верхней площадки открывался прекрасный вид на окрестности. Особенно вечером, когда солнце опускалось к горизонту.

Эмили несколько раз говорила, что хочет подняться туда с камерой.

Дэниел возражал. Башня находилась в аварийном состоянии, металлические ступени проржавели, а защитное ограждение на верхней площадке местами отсутствовало.

Эмили всякий раз обещала быть осторожной.

В тот вечер она всё-таки отправилась туда одна.

Дэниел узнал о случившемся позже, когда ему позвонили из полиции.

Следователи восстановили приблизительную последовательность событий. Эмили поднялась на верхнюю площадку и сделала несколько снимков. Вероятно, затем попыталась выбрать более удачный ракурс, подошла слишком близко к краю и потеряла равновесие.

Никто не видел самого падения.

Последняя фотография, которую удалось извлечь из памяти разбитого телефона, была сделана в 19:17. Дэниел видел её всего один раз. Изображение получилось смазанным. В верхней части кадра виднелось вечернее небо, ниже проходила тёмная полоса земли, а у самого края фотографии оказалась поднятая человеческая рука.

Он так и не понял, что именно запечатлела камера в последние мгновения жизни Эмили. Возможно, девушка пыталась ухватиться за что-нибудь. Возможно, просто выпустила телефон из рук.

После похорон этот снимок продолжал возвращаться к нему. Дэниел невольно представлял, как она стояла на башне, как выбирала ракурс и делала последние шаги к краю площадки. Он пытался представить её мысли. Наверняка она была довольна освещением. Возможно, улыбалась, предвкушая, как вечером покажет ему новые фотографии. Эмили всегда любила делиться с

ним своими открытиями.

На похоронах Дэниел попросил положить её разбитый телефон в гроб. Экран покрывала густая сеть трещин. Один угол корпуса был сильно деформирован, а задняя крышка едва держалась.

Родственники Эмили удивились его просьбе, но возражать не стали. Дэниел осторожно положил телефон рядом с её рукой. Ему казалось правильным, чтобы вещь, с которой девушка почти никогда не расставалась, осталась с ней. Когда крышку гроба закрывали, он вдруг почувствовал желание забрать телефон обратно. Мысль была бессмысленной, и Дэниел ничего не сделал. Позднее он часто вспоминал именно этот момент.

* * *

После похорон дни стали удивительно похожими друг на друга. Дэниел продолжал работать, покупал продукты, изредка встречался с друзьями. На вопросы о своём состоянии отвечал, что постепенно приходит в себя.

Друзья старались его поддерживать, предлагали обратиться к психологу, но Дэниел каждый раз обещал подумать об этом позже. По вечерам он возвращался в квартиру, где почти всё напоминало об Эмили.

Поначалу он пытался чем-нибудь занять себя. Включал телевизор, играл в компьютерные игры, разбирал старые документы. Однако рано или поздно обнаруживал, что сидит в тишине и смотрит на дверь.

Иногда ему казалось, что он вот-вот услышит звук её ключей. Это ощущение сохранялось даже спустя два месяца. Первое сообщение пришло совершенно неожиданно.

Дэниел сидел на кухне, просматривая рабочую переписку, когда лежавший рядом телефон коротко завибрировал. Он машинально взял аппарат.

На экране появилось уведомление о новом сообщении. Отправителем значилась Эмили. Несколько секунд Дэниел смотрел на её имя, совершенно не понимая, что видит. Он открыл переписку.

Последние сообщения, которыми они обменивались при жизни девушки, по-прежнему находились на своих местах. Ниже, отделённая несколькими месяцами молчания, появилась фотография. Никакого текста к ней приложено не было.

Дэниел открыл изображение.

На снимке виднелась узкая полоса земли, поросшая редкой травой. Дальше начинались деревья. Съёмка, судя по освещению, велась поздним вечером. Фотография получилась нечёткой, местами изображение почти полностью терялось в темноте. Место было ему незнакомо.

Он увеличил снимок, затем вернулся к исходному размеру. В нём не

обнаружилось ничего особенного. Дэниел ещё раз посмотрел на имя отправителя.

Номер принадлежал Эмили. Он сохранил его в телефонной книге несколько лет назад и с тех пор ни разу не менял.

Первой мыслью было, что кто-то получил доступ к её учётной записи. Возможно, один из знакомых воспользовался старым номером. Дэниел попытался вспомнить, кому могли достаться личные вещи девушки после её смерти. Потом вспомнил телефон, лежавший в гробу.

Он нажал кнопку вызова. Несколько секунд продолжались гудки. Затем соединение оборвалось. Дэниел повторил попытку. Результат оказался тем же. Он вернулся к переписке и написал:

«Кто это?»

Сообщение было отправлено, но ответа не последовало.

Некоторое время Дэниел сидел неподвижно, держа телефон в руке. Затем снова открыл фотографию. Странное чувство не позволяло ему отвести от неё взгляд.

Он знал, что любой человек, получивший доступ к учётной записи Эмили, мог отправить изображение от её имени. И всё же ему хотелось рассмотреть снимок ещё раз, словно среди тёмных деревьев могла обнаружиться подробность, объясняющая происходящее. Ничего нового он не увидел.

Наконец Дэниел закрыл переписку и положил телефон на стол. Несколько минут спустя он снова взял его. На этот раз его внимание привлекло время отправки фотографии - 19:17. Дэниел почувствовал, как напряглись пальцы, державшие аппарат.

Он хорошо помнил эти цифры. Они стояли в сведениях о последнем снимке Эмили, сделанном на водонапорной башне.

Он открыл фотографию ещё раз и посмотрел на часы. Время могло совпасть совершенно случайно. Дэниел даже попытался приблизительно подсчитать вероятность такого совпадения, но быстро оставил эту затею. Он решил, что утром обязательно разберётся, кто получил доступ к номеру Эмили. Палец задержался над кнопкой удаления сообщения.

После недолгого колебания Дэниел заблокировал телефон и оставил фотографию в переписке. Но это было лишь первое сообщение, пришедшее от её имени.

Из записей Дэниела

Сегодня я снова открыл переписку с Эмили. Фотография осталась на месте. Я понимаю, что кто-то мог получить доступ к её аккаунту. Наверное, существует какое-нибудь простое объяснение. Завтра поговорю с Марком.

Я всё время думаю об этих цифрах: 19:17.

Иногда мне кажется, что я слышу, как Эмили ходит по квартире. Особенно когда работаю за компьютером. Наверное, я просто слишком привык к её присутствию.

Сегодня впервые за несколько недель закрыл дверь в спальню. Так мне спокойнее.

Послания

Утром Дэниел первым делом проверил телефон. Отправленное им сообщение по-прежнему оставалось без ответа. Странная фотография никуда не исчезла, и это почему-то разочаровало его. Ночью ему несколько раз приходило в голову, что он мог неправильно прочитать имя отправителя или даже увидеть во сне уведомление. Теперь приходилось признать, что оно было настоящим.

Он открыл снимок на компьютере и попытался рассмотреть детали. В левом углу темнел узкий просёлок, дальше тянулась неровная линия деревьев. Ни домов, ни дорожных указателей, ни других примет, по которым можно было бы определить место. Файл содержал лишь обычные сведения о размере изображения и времени отправки. Дэниел потратил на него почти час, хотя через десять минут уже понимал бесполезность занятия.

Ближе к полудню он позвонил Марку, своему старому приятелю. Тот работал с компьютерными системами и спокойно относился к большинству технических неприятностей, которые приводили Дэниела в растерянность. Они договорились встретиться вечером в небольшом кафе возле офиса Марка.

«Имя в переписке ещё ничего не доказывает», объяснил Марк, когда Дэниел показал ему экран. «Если кто-нибудь получил доступ к её учётной записи, сообщения будут приходить точно так же. Ты ведь сам сохранил этот номер под её именем».

«Телефон Эмили лежит в гробу».

Марк перестал листать переписку и посмотрел на друга. Он знал о похоронах и теперь, кажется, пожалел, что начал разговор слишком деловым тоном.

«Понимаю. Но к учётной записи иногда можно подключиться с другого устройства. Попробуем выяснить, возможно ли это. А пока не отвечай на сообщения и сохрани всё, что придёт».

Дэниел хотел сказать, что уже ответил, но промолчал. Ему стало неловко вспоминать собственное «Кто это?», отправленное ночью человеку, который давно умер. Марк предложил обратиться в поддержку приложения, а потом спросил, как Дэниел спит и часто ли выходит из дома. Они просидели в кафе ещё полчаса. По дороге домой Дэниел поймал себя на том, что думает о времени.

Без трёх минут семь он вошёл в квартиру. Пока снимал пальто, поставил на кухне чайник и включил свет в комнате, часы на телефоне сменили 19:16 на 19:17.

Аппарат коротко завибрировал.

На этот раз фотография показывала узкую дорогу, уходившую между зарослями. У обочины стоял покосившийся деревянный столб, а дальше

виднелась крыша небольшого строения. Снимок был сделан в сумерках, и из-за низкого качества определить местность всё ещё было невозможно.

Дэниел проверил отправителя. Эмили. Он открыл сведения о сообщении и снова увидел 19:17. Первое совпадение ещё можно было объяснить случайностью. Повторение заставило его долго стоять посреди кухни с телефоном в руке, пока чайник не выключился сам.

Он переслал оба изображения Марку. Тот ответил через несколько минут: «Вижу. Не удаляй. Завтра посмотрю внимательнее». Дэниел успокоился лишь настолько, чтобы поужинать. Перед сном он перевёл телефон в беззвучный режим, хотя до следующего вечера оставалось почти двадцать часов.

* * *

Сообщения продолжали приходить каждый день.

В первые вечера Дэниел ещё пытался относиться к ним как к неприятному розыгрышу. Он сохранял фотографии в отдельную папку, проверял дату и час отправки, искал знакомые места в интернете. Иногда сравнивал два снимка, стараясь определить, сделаны ли они одной камерой. Файлы оказывались слишком плохими для уверенных выводов.

Затем на фотографиях стали появляться городские улицы. Однажды Дэниел узнал фонарь возле автобусной остановки, мимо которой проезжал по дороге на работу. На другом снимке обнаружился вход в небольшой парк. Железная ограда там была покрашена в зелёный цвет, но на одной из секций давно проступила ржавчина. Дэниел помнил эту ограду, поскольку часто проходил вдоль неё вместе с Эмили.

Он поехал в парк на следующий день. Постоял возле ворот, прошёл по дорожке и нашёл место, откуда, вероятно, был сделан снимок. Никого подозрительного рядом не оказалось. Мимо шли женщины с колясками, подростки катались на велосипедах, пожилой мужчина подкармливал птиц. Дэниел чувствовал себя глупо, всматриваясь в чужие лица.

Возле старой скамейки он остановился. Эмили однажды снимала здесь его портрет, попросив сесть боком к дорожке и смотреть на деревья. Тогда он не мог дождаться, когда она закончит, потому что начинался дождь. Теперь Дэниел вспомнил, что в полученной накануне фотографии та самая скамейка оставалась у самого края кадра. Отправитель мог знать о ней только потому, что снимал в парке. И всё же воспоминание было неприятным.

Через два дня пришла фотография заправочной станции на выезде из города. Дэниел узнал её сразу. Они с Эмили не раз останавливались там по дороге к озеру, и однажды из-за сильного ливня провели внутри почти час. Эмили фотографировала капли на стекле, пока он покупал кофе. На новом снимке заправка выглядела пустой; свет горел только под навесом и в витрине

магазина.

Дэниел стал отмечать знакомые места на карте. Просёлочные дороги находились за городской чертой, затем фотографии показывали окраины, остановку, парк, заправку. При первом просмотре между ними не было ничего общего. Теперь он увидел, что каждое следующее изображение сделано ближе к району, в котором стоял его дом.

Он несколько раз проверил отметки, надеясь обнаружить ошибку. Но расстояние действительно сокращалось.

Марк посоветовал отнести телефон в полицию. Дэниел последовал его совету и рассказал о сообщениях, ограничившись предположением, что кто-то использует учётную запись умершей девушки. Его выслушали, попросили переслать изображения и сохранить переписку. Дэниелу объяснили, что пока неизвестный отправитель не угрожал ему напрямую, установить его может оказаться трудно.

По дороге из участка Дэниел подумал, что рассказывать про водонапорную башню и точное время смерти Эмили было бы ещё сложнее. Он сам не знал, какое объяснение надеялся услышать.

* * *

Однажды вечером фотография пришла позже обычного. По крайней мере, Дэниел увидел её только в 19:24.

За десять минут до положенного часа он выключил на телефоне беспроводную связь и положил аппарат в ящик стола. Потом включил телевизор, поставил перед собой тарелку с разогретым ужином и заставил себя смотреть передачу, содержание которой совершенно не интересовало его.

В 19:17 он невольно поднял голову. Никакого звука из ящика не последовало. Дэниел сделал несколько глотков воды и снова посмотрел на часы. Он чувствовал нелепое облегчение, хотя сам же создал условия, при которых сообщение не могло прийти.

Продержался он ещё семь минут. Затем открыл ящик, включил связь и дождался подключения к сети.

Фотография появилась почти сразу. В переписке под ней значилось прежнее время отправки: 19:17.

На снимке был перекрёсток в двух кварталах от его дома. Возле пешеходного перехода стояла женщина с зонтом, у светофора остановился автомобиль. Дэниел узнал аптеку в угловом здании и вывеску круглосуточного магазина. Он бывал там несколько раз в неделю.

Этим вечером он долго не ложился спать. Несколько раз подходил к окну, прислушивался к шагам на лестничной площадке и проверял дверной замок. Наконец закрыл шторы. Снаружи доносился обычный шум улицы, который

раньше помогал ему заснуть. Теперь каждый раз, когда под окнами останавливалась машина, он откладывал книгу и ждал, пока она уедет.

Следующим днём Дэниел возвращался из магазина с пакетом продуктов. Ветер трепал полы его пальто, и он пожалел, что не взял перчатки. В какой-то момент ему показалось, что за спиной кто-то остановился одновременно с ним. Дэниел резко обернулся. На тротуаре стояли двое школьников и женщина, выгуливавшая собаку. Все трое занимались своими делами.

Дома он обнаружил, что купил хлеб, хотя в шкафу оставалась почти целая буханка. Пытаясь отвлечься, Дэниел стал готовить ужин, но всё время поглядывал на лежащий рядом телефон.

Ровно в 19:17 пришёл новый снимок.

Дэниел увидел самого себя.

Он шёл по улице, слегка согнувшись от ветра, и держал в руке тот самый пакет с покупками. В кадр попала спина его пальто, боковая стенка магазина и грязный снег вдоль бордюра. Фотограф стоял всего в нескольких метрах позади.

Дэниел приблизил изображение. Белый пакет был смят в том месте, где он сжимал его пальцами. На рукаве пальто виднелась светлая нитка, которую он заметил только теперь. Снимок сделали сегодня, менее двух часов назад.

Он вышел на лестничную площадку и прислушался. За соседней дверью негромко разговаривали, где-то этажом выше скрипнула ступенька. Дэниел прошёл вниз, выглянул на улицу и несколько минут простоял возле подъезда. Возвращаясь, он впервые подумал о том, чтобы переночевать у Марка.

Однако к другу он так и не поехал. Ему было стыдно объяснять, почему он боится находиться в собственной квартире. Марк уже говорил, что с этой историей нужно разбираться, и предлагал помощь. Дэниел поблагодарил его за участие, но вечером снова остался один.

Раньше Дэниел считал, что самое тяжёлое время наступает ночью. Теперь оно начиналось за несколько минут до семи. Днём он ещё мог работать и разговаривать с людьми, но ближе к вечеру всё чаще смотрел на часы. Однажды он поймал себя на том, что ждёт очередного сообщения. Его пугала эта привычка, особенно то, что порой ему самому хотелось увидеть новую фотографию, хотя он заранее знал, как будет жалеть об этом.

* * *

Через несколько дней Дэниел получил снимок, который долго не решался открыть.

Уведомление появилось, когда он сидел за компьютером. На экране телефона высветилось знакомое имя, и он машинально перевернул аппарат дисплеем вниз. В комнате было тихо. Дэниел пытался продолжить работу, но возвращался к одному и тому же абзацу, не понимая прочитанного.

Наконец он взял телефон.

На фотографии открывался вид на город с возвышенности. Внизу виднелись крыши домов, тёмные окна, освещённые улицы. Дэниел узнал силуэт старой колокольни и дорогу, ведущую к центральной площади. Но внимание его сразу привлекла фигура на переднем плане.

Женщина стояла немного боком, повернув лицо к объективу. На ней было платье, испачканное тёмными пятнами, волосы спутались и прилипли к щекам. Половина лица оставалась в тени. На другой стороне проступали следы разложения, обнажая острый контур скулы. Её глаза казались запавшими и почти чёрными.

Дэниел почувствовал дурноту, потому что узнал её ещё до того, как успел рассмотреть лицо.

Это была Эмили.

Он поставил телефон на стол, отодвинулся вместе со стулом и несколько раз глубоко вдохнул. Потом снова придвинулся к экрану. Ему хотелось найти следы монтажа, проверить изображение по пикселям, убедить себя, что кто-то воспользовался фотографией из старого альбома. Но ни одного похожего снимка он не помнил.

Всё в облике девушки было страшно изменено. И всё же она улыбалась. Уголок рта приподнимался чуть выше другого, а голова была наклонена так, как Эмили часто наклоняла её, когда снимала их совместные фотографии.

Дэниел вспомнил фотографию на деревянной скамейке. Там Эмили сидела рядом с ним и смотрела прямо в камеру с точно таким же выражением лица.

Несколько минут он рассматривал незнакомые тёмные пятна на её платье, потом снова возвращался к улыбке. Ему хотелось закрыть изображение, но он боялся выпустить из виду любую подробность. В самом низу кадра проходила размытая полоска света; небо над городом имело странный зеленоватый оттенок.

Он набрал номер Марка. Пока шли гудки, Дэниел продолжал смотреть на экран.

Он уже не пытался определить место съёмки. Перед ним была девушка, которую он три месяца назад похоронил собственными руками. И откуда-то из темноты она вновь смотрела на него с той улыбкой, которой когда-то встречала его после работы.

Из записей Дэниела

Я больше не могу спокойно смотреть на часы. Сегодня мне опять приснилась Эмили. Она стояла возле кровати и смотрела на меня. Я проснулся, включил свет, но ещё несколько секунд продолжал видеть её лицо.

Я уверен, что вчера вечером разговаривал с Марком. Мы долго спорили. Он

говорил, что мне необходим отдых, а я пытался объяснить ему, что фотографии настоящие. Но сегодня Марк утверждает, что мы вчера не разговаривали.

Я проверил журнал вызовов. Его номера там нет. Не понимаю, как такое возможно. Я отчётливо помню наш разговор.

Сегодня снова хотел ему позвонить, но так и не решился нажать кнопку вызова.

Нисхождение

На следующее утро Марк приехал к Дэниелу без предупреждения. Дважды позвонил в дверь, потом постучал и уже собирался набрать его номер, когда из квартиры донёсся звук отпираемого замка.

Дэниел стоял перед ним в домашней рубашке, с покрасневшими глазами. Марк протянул бумажный пакет с завтраком и прошёл на кухню. По дороге он заметил, что шторы в гостиной задёрнуты, хотя было почти одиннадцать.

«Ты позавчера звонил мне», сказал Марк, поставив пакет на стол. «Я был за рулём и не успел ответить. Потом я перезванивал тебе. Ты не взял трубку».

Марк разложил на столе два сэндвича и несколько минут пытался поговорить о работе. Дэниел почти не слушал. Наконец он молча достал телефон и открыл последнее сообщение.

На экране была Эмили. Её лицо наполовину скрывала тень, на другой половине виднелись тёмные впадины и обнажившаяся скула. Марк долго смотрел на снимок, затем попросил увеличить изображение.

«Ты знаешь, что сейчас можно сделать с фотографией?» спросил он.

«Я знаю, что ты собираешься сказать».

«Я хочу разобраться. Кто-то имел доступ к её старым снимкам. Возможно, взял фотографию из открытого профиля и обработал. Если ты разрешишь, я посмотрю файл на своём компьютере».

Дэниел отнял телефон. Его раздражало, как быстро Марк перешёл к объяснениям. Сам он уже несколько часов смотрел на знакомый наклон головы и на улыбку, которую невозможно было перепутать. Ему хотелось, чтобы друг задержал взгляд именно на этих подробностях.

«Она всегда так улыбалась», сказал Дэниел.

Марк ничего не ответил. Он открыл пакет, подвинул другу завтрак и спросил, когда тот в последний раз нормально спал.

«Не начинай».

«Я серьёзно. Ты звонишь мне ночью, потом не берёшь трубку. Почти не выходишь из дома. Давай хотя бы сходим к врачу. Я пойду с тобой, если хочешь».

Дэниел сказал, что подумает. Через полчаса Марк ушёл, взяв с него

обещание позвонить до вечера. Пакет с завтраком остался на кухонном столе. Дэниел съел половину сэндвича, хотя не чувствовал голода, и снова включил телефон.

* * *

Эмили любила фотографировать людей, занятых обычными делами. На её снимках Дэниел резал хлеб, завязывал шнурки, читал за кухонным столом. Она замечала, как он хмурится, когда ищет что-нибудь в карманах, и как непроизвольно улыбается, услышав знакомую песню.

Ему попадались фотографии, о существовании которых он прежде не догадывался. В одной из папок сохранился снимок его рук, державших две чашки. В другой он стоял у окна спиной к камере и пытался открыть заклинившую раму. Ничего особенного на этих кадрах не происходило. Эмили всё равно их берегла.

После похорон он редко открывал её архив. Теперь, когда очередная фотография приходила в 19:17, Дэниел всё чаще садился за её компьютер и просматривал старые папки. Ему хотелось увидеть настоящее лицо девушки до того, как в памяти снова появится тот страшный снимок.

Однажды он наткнулся на видеозапись, сделанную на кухне. Эмили поставила телефон на полку и показывала в камеру первые фотографии из поездки. Он слышал, как она зовёт его из соседней комнаты, потом смеётся, потому что вместо ответа Дэниел спрашивает, где лежат чистые полотенца. Запись длилась всего сорок секунд.

Он посмотрел её четыре раза подряд. Когда Эмили засмеялась в пятый, Дэниел остановил воспроизведение.

В тот же вечер он впервые за три месяца позволил себе подробно вспомнить их последнюю ссору.

Она снова заговорила о водонапорной башне. Дэниел рассердился и сказал, что однажды её увлечение закончится бедой. Эмили ответила, что он постоянно боится за неё и от этого ей иногда становится трудно дышать. Разговор оборвался, когда она взяла куртку и вышла из квартиры.

Он не пошёл следом. Позднее, уже после работы, телефон показал входящий вызов от Эмили. Дэниел посмотрел на экран, но решил, что она опять хочет поругаться. Он сбросил вызов и положил телефон на стол.

Это произошло в 19:12. Пять минут спустя была сделана последняя фотография на башне.

Дэниел никогда никому не рассказывал о звонке. Следователям он сказал лишь, что в тот день они почти не разговаривали. Даже Марк не знал, что Эмили пыталась дозвониться до него незадолго до падения.

Иногда он убеждал себя, что разговор ничего бы не изменил. Эмили могла

звонить ещё до подъёма на башню, чтобы предупредить, что задержится. Могла хотеть помириться. Дэниел не знал, зачем она звонила, и именно это оказалось тяжелее всего переносить.

Он закрыл архив и долго сидел в темноте. Потом проверил время на телефоне, хотя уже знал, сколько осталось до очередного сообщения.

* * *

Фотографии продолжали приходить каждый вечер. На одном снимке была детская площадка за домом, на другом виднелись мусорные баки у служебного входа в магазин. Оба места находились в нескольких минутах ходьбы от его квартиры.

Однажды Дэниел получил изображение подъезда, снятого с противоположной стороны улицы. В окне третьего этажа горел свет. Он узнал собственные шторы и тёмную полоску приоткрытой створки.

Дэниел бросился к окну. На тротуаре стояли две женщины с пакетами, проехало такси, возле остановки молодой человек разговаривал по телефону. Ничего необычного он не заметил. Когда снова посмотрел на снимок, обе женщины уже ушли.

Утром он обошёл дом, проверил места, откуда можно было сделать такую фотографию, и спросил консьержа, не видел ли тот в последние дни кого-нибудь подозрительного. Консьерж вспомнил курьера, который несколько раз путал подъезды, и девушку, ожидавшую знакомого возле лифта. Дэниел выслушал его и понял, что этот разговор тоже ничего ему не объяснит.

Он начал сохранять изображения отдельно от переписки. Копировал их на компьютер, записывал даты, время получения и всё, что мог определить по содержимому кадра. Иногда возвращался к этим заметкам среди ночи и обнаруживал, что дважды описал одну фотографию. В одном случае он проставил неверную дату, хотя был уверен, что писал её сразу после получения сообщения.

Марк продолжал звонить. Дэниел отвечал реже, а однажды просто выключил звук. Слова о враче не выходили у него из головы, и он сердился на друга даже тогда, когда тот пытался поговорить о чём-нибудь постороннем.

Через несколько дней пришла новая фотография. Дэниел сидел за кухонным столом, держа перед собой блокнот. Увидев имя отправителя, он подождал, пока часы сменят 19:17 на 19:18, и только тогда открыл сообщение.

На противоположной стороне его улицы стояла Эмили.

Она находилась достаточно близко к камере, чтобы можно было разглядеть тёмные пятна на платье и спутанные волосы. Позади неё виднелся вход в его дом. От прежнего лица осталась знакомая линия бровей и чуть приподнятый уголок рта. Глаза были обращены прямо в объектив.

Дэниел увеличил фотографию, и изображение распалось на крупные цветные квадраты. Он вернулся к исходному размеру. Теперь ему показалось, что Эмили улыбается шире, хотя он понимал, что ничего в файле измениться не могло.

Он выбежал из квартиры, не надев пальто. По лестнице спустился на улицу и остановился там, где, судя по снимку, должна была стоять Эмили. Возле бордюра темнела лужа, на асфальте валялся смятый чек. Из открытого окна кафе доносились голоса. На остановке ждала автобус женщина в длинном тёмном пальто.

Когда женщина повернула голову, Дэниел сделал шаг к ней. Он успел увидеть светлую прядь волос у виска, но потом подъехал автобус, и на несколько секунд обзор закрыло его широкое стекло. Женщина вошла внутрь вместе с остальными пассажирами.

Дэниел остался у остановки. Ему было стыдно за то, что он только что собирался окликнуть незнакомого человека именем Эмили. Он вернулся домой, растирая замёрзшие руки, и снова открыл фотографию.

За спиной девушки, почти у края кадра, виднелась дверь его подъезда. Она была приоткрыта.

* * *

До этого вечера Дэниел не позволял себе всерьёз думать о могиле. Он помнил, как собственными руками положил телефон Эмили рядом с её рукой, как работник похоронного бюро закрыл крышку и закрепил её. Если кто-то использовал её учётную запись, старый аппарат мог лежать там совершенно спокойно. Марк объяснял ему это несколько раз.

И всё же Дэниелу хотелось проверить. Мысль казалась постыдной и постепенно вытесняла все остальные. Он представлял телефон в темноте гроба, треснувший экран, неподвижную руку Эмили. Представлял, как кто-то должен будет открыть крышку и показать ему, что ничего не изменилось.

В полиции его выслушали без особого удивления. Сотрудник, с которым он разговаривал раньше, узнал Дэниела и предложил снова оставить заявление о возможном преследовании. Когда тот попросил проверить захоронение, сотрудник замолчал и внимательно посмотрел на него.

«Есть основания думать, что могилу вскрывали?»

«Я не знаю. Поэтому хочу убедиться».

Сотрудник объяснил, что одного подозрения недостаточно для такой проверки. Дэниел попытался рассказать о последних фотографиях, но на словах всё звучало так же, как несколько недель назад: неизвестный отправитель, чужая учётная запись, снимки знакомых мест. Он не решился показывать изображение Эмили.

После разговора Дэниел долго сидел в машине возле участка. Потом поехал на кладбище.

На дорожках лежал мокрый снег. Две женщины поправляли искусственные цветы на соседнем участке. Где-то в глубине кладбища работал небольшой трактор. У могилы Эмили было тихо.

Он присел и снял перчатку, чтобы очистить фотографию на памятнике от прилипших листьев. Лицо девушки смотрело прямо на него. Эту фотографию выбирали её родители. Дэниел тогда просил другую, но в конце концов уступил.

Земля возле памятника осела. Он вспомнил слова работника кладбища, что в первые месяцы такое случается часто. Однако сейчас Дэниелу хотелось увидеть в неровностях почвы какие-нибудь следы. Он обошёл могилу несколько раз и задержался возле тёмного углубления у края.

Потом он поехал домой. Во всяком случае, именно так он позднее восстанавливал этот вечер.

Однако воспоминания складывались в совершенно иную последовательность. Дэниел помнил мокрые рукава куртки и запах земли. Помнил, как держал лопату, хотя совершенно не мог объяснить, когда решил взять её с собой. Между этими воспоминаниями оставались долгие промежутки, которые он сколько ни старался, заполнить не мог.

Он видел перед собой открытую могилу. Свет фонаря падал на деревянную крышку, по которой медленно стекала вода. Дэниел сидел на краю ямы, тяжело дышал и смотрел на свои руки. Под ногтями набилась земля, на правой ладони выступила кровь.

Он не помнил, сколько времени понадобилось, чтобы добраться до гроба. Когда приподнял крышку, её угол задел стенку ямы. Раздался сухой треск, и Дэниел отшатнулся, ожидая, что кто-нибудь услышит его.

Внутри никого не было. Он направил фонарь на изголовье. Ткань на подушке была смята, покрывало сбилось к одной стороне. Он видел место, где должна была лежать Эмили, и не мог заставить себя посмотреть в сторону. Телефона с разбитым экраном тоже нигде не было.

Дэниел протянул руку к подушке и коснулся её пальцами. Ткань показалась влажной. Он отдёрнул руку и долго сидел неподвижно, прислушиваясь к собственному дыханию.

Он пытался вспомнить, кто разрешил ему открыть гроб, с кем он разговаривал и был ли здесь ещё кто-нибудь. В памяти возникало лицо пожилого смотрителя, затем исчезало. Дэниел не мог даже сказать, приходил ли на кладбище днём или уже в темноте.

Зато пустой гроб он видел перед собой совершенно ясно.

* * *

Утром Дэниел проснулся на диване в гостиной. Телефон лежал у него на груди. Одежда была сложена на полу, рядом стояли ботинки, с которых на ковёр осыпалась засохшая земля. Ему казалось, что он спал всего несколько минут, но часы показывали половину одиннадцатого.

В ванной он долго мыл руки. На правой ладони обнаружилась глубокая ссадина, под ногтями оставалась грязь. При каждом движении болели плечи. Дэниел пытался вспомнить обратную дорогу с кладбища, но видел только темноту за лобовым стеклом и собственные пальцы на руле.

Он позвонил Марку. Тот ответил после второго гудка.

«Мне нужно с тобой поговорить», сказал Дэниел.

«Ты дома?»

«Да. Я был у Эмили».

«На кладбище?»

Дэниел посмотрел на ботинки, стоявшие у двери.

«Её там нет», тихо сказал он.

Марк долго молчал. Потом спросил, не один ли Дэниел сейчас, и пообещал приехать. Дэниел отключил телефон прежде, чем друг успел договорить.

Он подошёл к окну. Внизу дворник счищал грязный снег с тротуара, машина доставки остановилась возле кафе, кто-то выводил собаку. Дэниел смотрел на людей и пытался понять, почему всё вокруг остаётся таким обычным.

Вечером телефон снова завибрировал. На экране появилось время 19:17 и имя Эмили.

Дэниел подождал, пока уведомление исчезнет. Впервые за всё это время он не открыл фотографию.

Из записей Дэниела

Я был на кладбище. Сначала хотел записать всё по порядку, но теперь вижу, что не помню большей части. Помню мокрую землю, лопату и открытую крышку. Я точно знаю, что заглянул внутрь.

Гроб был пустой. Даже телефона там не было. Когда я пытаюсь вспомнить лицо Эмили в гробу в день похорон, мне представляется только белая подушка. Я видел её тогда. Помню, как коснулся её руки. Почему теперь вижу одну подушку?

Марк спросил, кто присутствовал при вскрытии. Я сказал, что со мной был смотритель, пожилой мужчина в серой куртке. Позже вспомнил, что не разговаривал с ним. Мне кажется, он просто прошёл мимо меня по дорожке ещё днём. Я мог принять его за кого-нибудь другого.

Когда сегодня умывался, в зеркале за моим плечом мелькнуло что-то

светлое. Я обернулся, но в ванной никого не было. Знаю, что это могло быть отражение полотенца. На всякий случай я прикрыл зеркало дверцей шкафа. Не хочу снова проверять.

Помутнение

Непрочитанная фотография оставалась в переписке до самого утра. Дэниел несколько раз брал телефон, собираясь открыть её, и всякий раз откладывал. После поездки на кладбище ему казалось, что он уже знает, кто отправляет сообщения. Но смотреть на очередное изображение Эмили было страшнее, чем прежде.

Накануне Марк всё-таки приехал. Долго стоял в прихожей, рассматривал землю на ботинках и ссадины на руках Дэниела. Он задал много вопросов о кладбище, предложил вызвать полицию и настоял, чтобы друг хотя бы позвонил врачу. Дэниел отвечал сбивчиво. Некоторые подробности вчерашнего дня он помнил так хорошо, что мог описать каждую доску внутри гроба. Другие исчезали, стоило ему попытаться назвать время или объяснить, как он вернулся домой.

Марк оставил на кухне продукты и номер специалиста, с которым уже договорился о предварительной консультации. Перед уходом он попросил Дэниела провести ближайшую ночь у него. Тот обещал подумать и закрыл дверь, едва Марк вышел на лестничную площадку.

Теперь на столе лежала визитка с аккуратно написанным номером. Дэниел несколько минут смотрел на неё, затем перевернул и подвинул под чашку. Он сказал себе, что позвонит после завтрака.

В одиннадцать часов он открыл вчерашнее сообщение.

На фотографии была лестничная площадка между вторым и третьим этажами его дома. Дэниел сразу узнал облупившуюся краску возле окна и царапину на перилах, оставленную во время недавнего ремонта. Снимок сделали с нижних ступеней. Камера была направлена вверх, к его квартире.

Ни Эмили, ни какого-либо другого человека в кадре не было. У верхнего края виднелся лишь небольшой участок двери, окрашенной в тёмно-коричневый цвет.

Дэниел вышел на лестницу и спустился до места, откуда, по его мнению, фотографировали. Свет из окна падал точно так же. На ступеньке лежал смятый фантик, которого он не заметил на снимке. Дэниел поднял телефон, повторил ракурс и сравнил два изображения. Разница была только в мелочах.

Он вернулся в квартиру и ещё раз проверил дверной замок. Незнакомец мог попасть в подъезд вместе с жильцами, подняться на любой этаж, постоять у его двери, а потом уйти. Против этой мысли трудно было возразить. Дэниел даже испытал краткое облегчение, хотя не мог объяснить, откуда незнакомец узнал

так много о нём и об Эмили.

После обеда он достал старый ноутбук и поставил его на полку в прихожей. Встроенная камера охватывала входную дверь и часть коридора. Дэниел проверил запись, прошёл перед объективом, открыл дверь и убедился, что изображение сохраняется. На экране он выглядел усталым и постаревшим; мешки под глазами стали заметны даже при тусклом освещении.

Он оставил ноутбук работать. Если кто-то снова придёт к нему в 19:17, у Дэниела останется запись. Возможно, её удастся показать Марку.

* * *

День тянулся медленно. Дэниел пытался работать, но дважды открывал один и тот же документ и не мог вспомнить, зачем понадобился ему вчерашний отчёт. В обед он налил чай, оставил чашку на столе и через несколько минут обнаружил там другую, уже остывшую. Сначала решил, что просто забыл о первой, но потом увидел на дне следы кофе, который почти перестал пить после смерти Эмили.

Он выбросил напиток и вымыл обе чашки. Слова Марка о необходимости отдыха казались разумными. Дэниел даже набрал указанный на визитке номер, но сбросил вызов прежде, чем ему ответили.

В половине седьмого он включил весь свет в квартире. Проверил, работает ли камера ноутбука, положил рядом заряженный телефон и сел так, чтобы видеть входную дверь. Ладони у него были влажными. За окном постепенно темнело, доносились голоса возвращавшихся домой соседей.

В 19:16 кто-то открыл дверь на площадке этажом ниже. Послышались шаги, затем щёлкнул соседский замок. Дэниел невольно задержал дыхание.

Телефон завибрировал ровно в 19:17.

На снимке крупным планом была дверная ручка его квартиры. Он узнал потёртость на металлической накладке и маленькое пятнышко краски возле замочной скважины. На ручке лежала женская рука. Кожа на пальцах имела странный сероватый оттенок; возле ногтей темнела грязь. На безымянном пальце поблёскивало тонкое кольцо, которое Дэниел когда-то подарил Эмили.

Он поднял голову и посмотрел на настоящую дверь. Ручка оставалась неподвижной.

Затем раздался звонок.

Дэниел сжал телефон так крепко, что заболели пальцы. Он сидел и слушал, как звонят снова. Звук разносился по прихожей, где мерцал огонёк записи на ноутбуке. Между звонками слышалось осторожное движение за дверью, похожее на то, как человек ищет ключи в сумке.

Дэниел заставил себя встать. У двери он остановился и приблизил глаз к

смотровому отверстию. На площадке горела лампа, однако обзор перекрывало что-то тёмное прямо перед глазком. Ему показалось, что кто-то стоял слишком близко к двери. Он видел только узкую полосу света сбоку.

«Кто там?» спросил он.

Ответа не последовало. Снова послышался металлический звук, будто ключ коснулся замка.

Дэниел отступил. Он помнил, что повернул задвижку, когда утром вернулся с лестницы. Теперь рука почему-то сама потянулась к ней. Он остановил движение и прижал ладонь к дверному косяку. На несколько секунд всё затихло.

После этого он помнил только, как дверь оказалась открыта.

На пороге стояла Эмили.

Волосы прилипли к её вискам. Платье было испачкано землёй, на груди ткань потемнела от влаги. Дэниел узнал её лицо, хотя изменившиеся черты вызывали у него тошноту. Она слегка наклонила голову, внимательно разглядывая его, и подняла руку.

Он ожидал, что она заговорит. Что спросит, почему он не ответил тогда на звонок. Дэниел столько раз представлял эту встречу, что заранее приготовил целые объяснения. Сейчас он не мог произнести ни одного слова.

Эмили коснулась его щеки. Пальцы были холодными, и от её одежды пахло сырой землёй. Дэниел вздрогнул. Он попытался отступить, но наткнулся спиной на узкий шкаф в прихожей.

Она продолжала смотреть на него и улыбаться. Знакомый уголок рта поднялся немного выше другого. Дэниел видел эту улыбку сотни раз, когда Эмили встречала его после работы или показывала удавшуюся фотографию.

«Прости», сказал он наконец.

Эмили придвинулась ближе. Он почувствовал, как её руки обнимают его за плечи. На мгновение Дэниел сам поднял руку, намереваясь коснуться её волос. Потом заметил тёмную полоску кожи у самого уха и отшатнулся.

Дальше воспоминания снова оборвались.

* * *

Он обнаружил себя сидящим на кухне. Перед ним стояла та самая чашка с засохшим кофейным следом, хотя Дэниел помнил, как вымыл посуду. В прихожей горел свет, входная дверь была закрыта. Телефон лежал рядом с ноутбуком.

Дэниел не знал, сколько времени прошло. Он посмотрел на часы и увидел 20:43. При мысли о прикосновении Эмили кожу на щеке неприятно стянуло. Он подошёл к зеркалу в ванной, но не обнаружил ничего необычного.

Вернувшись в прихожую, Дэниел остановил запись и открыл файл. Камера показывала дверь, часть стены и его самого, сидящего на стуле. В 19:17 он поднял телефон, затем подошёл к замку. Звонок был хорошо слышен. Дэниел видел, как его рука коснулась задвижки, но сам помнил это лишь смутно.

Дверь открылась. Он стоял перед ней, почти полностью заслоняя объективу лестничную площадку. Несколько секунд Дэниел не двигался, потом сделал шаг вперёд и скрылся из кадра.

Он поставил запись на паузу, приблизил изображение, ещё раз посмотрел последние секунды. В узкой полоске между его плечом и дверным косяком различалась только жёлтая стена площадки. Ни лица Эмили, ни её рук камера не захватила.

Через минуту он снова появился в прихожей. Вошёл один, медленно закрыл дверь и несколько мгновений стоял, положив ладонь на щёку. Потом ушёл на кухню.

Дэниел пересмотрел этот отрывок несколько раз. Он узнавал собственные движения, но не помнил, как выходил на площадку и возвращался. Звук звонка остался на записи. Изображение ничего не объяснило.

Он достал блокнот и попытался записать произошедшее, пока детали не исчезли. Написал о фотографии руки на дверной ручке, о звонке и о том, как Эмили наклонила голову. Потом стал искать автомобильные ключи. Сам он не смог бы сказать, в какой момент решил снова поехать на кладбище.

* * *

Когда Дэниел остановил машину возле ограды, было уже далеко за полночь. Он выключил двигатель и несколько минут сидел в тишине. На соседнем сиденье лежал телефон с открытым изображением Эмили у двери. Во время дороги он не раз разговаривал вслух, но теперь не мог вспомнить, о чём говорил.

Кладбище было закрыто. Дэниел оставил автомобиль неподалёку от служебного въезда и прошёл вдоль ограды до места, где нижняя часть решётки давно отогнулась от земли. Он обнаружил этот проход ещё во время предыдущей поездки, хотя прежде никогда не обращал на него внимания.

Между деревьями лежали неровные полосы снега. Где-то неподалёку капала вода с крыши подсобного здания. Дэниел шёл медленно, поскальзываясь на дорожке, пока не увидел памятник Эмили.

Земля у могилы была рыхлой. С одной стороны виднелась глубокая борозда, похожая на след от лопаты. Дэниел присел и осветил её телефоном. Он не помнил, чтобы оставлял здесь такую борозду, однако узнал на земле отпечаток тяжёлого ботинка. Размер и рисунок подошвы были похожи на его собственные.

Он мог бы уехать домой. Дэниел несколько раз представлял, как возвращается к машине, звонит Марку и рассказывает обо всём. Но перед ним

была могила, в которой он, как ему казалось, уже видел пустой гроб. Проверить это ещё раз стало для него единственным способом успокоиться.

Лопата лежала под нижними ветвями ели. Дэниел заметил её только после того, как обошёл памятник. Деревянная рукоятка была влажной, на металле засохла глина. Он взял её и принялся отбрасывать землю.

Работа заняла много времени. Ноги замёрзли, плечи болели после каждого движения. Дэниел часто останавливался, переводил дыхание и прислушивался. Несколько раз ему казалось, что позади кто-то осторожно ступает по снегу. Он оборачивался, но видел только тёмные стволы деревьев.

К утру он добрался до крышки. Ему пришлось долго освобождать её от земли. Когда доски наконец поддались, Дэниел опустился на колени и направил фонарь внутрь.

Эмили была там.

Она лежала на белой подушке, в том платье, которое выбрали для похорон её родители. На груди оставалось небольшое тёмное пятно. Рядом с рукой находился телефон с разбитым экраном. Дэниел узнал его сразу.

Он долго смотрел в гроб. Теперь он пытался вспомнить, что видел здесь в прошлый раз. В памяти по-прежнему оставались пустая подушка и сдвинутое покрывало. Дэниел протянул руку к телефону, но остановился, заметив, что пальцы Эмили словно изменили положение.

Ему показалось, что она повернула лицо в его сторону.

Дэниел замер, не решаясь ни приблизиться, ни отодвинуться. Из-за края гроба он видел знакомую линию подбородка и тёмные волосы на подушке. Губы Эмили слегка разошлись. Он услышал едва различимый звук, который мог быть шорохом ткани или собственным неровным дыханием.

«Я здесь», произнёс он, сам не понимая, зачем.

Он опустился ниже, пытаясь рассмотреть её лицо. В следующую секунду чья-то холодная рука коснулась его запястья. Дэниел дёрнулся, ударился локтем о деревянный борт и почувствовал, как тяжёлая крышка соскальзывает со своего места. С края ямы осыпалась земля. Он попытался удержать крышку, но пальцы не слушались. Перед глазами на мгновение мелькнула полоска сереющего неба, потом вокруг стало темно.

Он лежал рядом с Эмили. Места едва хватало, чтобы повернуть голову. От холода сводило руки, дыхание стало частым и поверхностным. Он пытался приподнять крышку, но наталкивался на тяжесть древесины и земли. Неясно было, сколько времени прошло после того, как крышка закрылась.

Эмили обнимала его. Или ему казалось, что обнимает. Её рука лежала у него на груди, и Дэниел чувствовал прикосновение сквозь одежду. Он собрал последние силы и попытался отодвинуться, но теснота не позволяла даже

выпрямить ноги.

Тогда он увидел её улыбку совсем близко.

В ней было что-то прежнее, домашнее. Эмили смотрела на него с той спокойной радостью, с какой встречала в прихожей после долгого дня. Дэниел столько времени боялся её, представлял, что она хочет заставить его ответить за пропущенный звонок, искал в каждом снимке угрозу. Теперь ему показалось, что она вообще не ждала объяснений.

Она радовалась, что он рядом. В её взгляде Дэниел увидел уверенность, что больше им никогда не придётся расставаться.

Лишь сейчас он понял, что всё это время мог ошибаться в её намерениях. Он хотел произнести её имя, попросить отпустить его хотя бы на несколько минут, сказать, что ещё хочет жить. Но воздуха не хватало, и голос сорвался.

Где-то возле его лица негромко щёлкнула камера. На мгновение вспыхнул слабый свет. Дэниел попытался повернуть голову к телефону, но увидел только глаза Эмили и её знакомую улыбку.

Из записей Дэниела

Я видел её сегодня. Сначала на фотографии, потом у себя в прихожей. Она стояла совсем рядом и подняла руку к моему лицу. Помню, что кожа у неё была холодной. Помню запах сырой земли. Остальное записать гораздо труднее.

Я специально оставил включённой камеру. На записи видно, как я сам отпираю дверь. Слышно, что кто-то звонит. Когда дверь открывается, я заслоняю почти весь проход. За моей спиной невозможно ничего рассмотреть. Потом я выхожу на площадку и возвращаюсь один. Я просмотрел эти минуты несколько раз.

Сейчас мне всё время кажется, что в соседней комнате кто-то ходит. Дверь в спальню закрыта, но я слышу знакомые шаги. Возможно, это соседи этажом выше. Когда я слышу их, мне хочется пойти и проверить, хотя каждый раз становится страшнее.

Я снова думаю о кладбище. Если гроб действительно был пуст, почему я не помню, как возвращался оттуда? Если я всё перепутал, почему у меня до сих пор болят руки? Я возьму телефон и поеду туда ещё раз. Мне нужно увидеть, что там лежит.

Легенда, рассказанная шёпотом

На следующее утро Марк снова набрал номер Дэниела. Вызов продолжался долго, но никто не ответил. Он оставил короткое сообщение, потом ещё одно, уже с просьбой немедленно перезвонить. К обеду беспокойство стало настолько сильным, что Марк отпросился с работы и поехал к другу.

Машины Дэниела возле дома не было. В подъезде Марк встретил соседку с

нижнего этажа. Та сказала, что накануне вечером слышала долгий звонок в дверь наверху. Она даже выглянула на площадку, решив, что кто-то потерял ключи, но никого не увидела. Когда Марк спросил, в котором часу это произошло, женщина ответила, что после семи. Точнее она не помнила.

Он постучал в дверь квартиры, несколько раз назвал Дэниела по имени и приложил ухо к деревянной панели. За дверью было тихо. Марк позвонил ещё раз, затем набрал номер полиции. Он рассказал о состоянии друга, о его поездках на кладбище и о том, что Дэниел утверждал, будто обнаружил пустой гроб Эмили.

Поначалу его расспрашивали о привычках Дэниела, родственниках и местах, где тот мог остановиться. Марк отвечал терпеливо, но настойчиво повторял, что друг в последние дни почти не спал, путал события и боялся оставаться один. Позднее к квартире приехали сотрудники полиции.

Внутри никого не оказалось. На кухне стояла немытая чашка, на столе лежала визитка с телефонным номером врача. Дверь спальни была закрыта. Под нею виднелся узкий прямоугольник света: Дэниел оставил включённую настольную лампу.

Возле входной двери стоял раскрытый ноутбук. Камера смотрела на прихожую, а на экране было открыто окно с видеозаписью. Рядом лежал блокнот, исписанный неровным почерком. На нескольких страницах Дэниел перечислял полученные фотографии, указывая дату и время. В других местах он записывал собственные воспоминания, иногда возвращаясь к одним и тем же событиям.

Марк узнал первые записи. Когда-то Дэниел показывал ему блокнот, смеялся над своей привычкой всё фиксировать. Теперь между страницами обнаружились перечёркнутые даты, повторяющиеся вопросы и описания разговоров, которые Марк отрицал.

Полицейские забрали ноутбук и записи для проверки. Марк попросил разрешения остаться, пока они осматривали квартиру, но ему предложили подождать на лестничной площадке. Там он снова набрал номер Дэниела. Телефон всё так же не отвечал.

* * *

Машину обнаружили вечером возле служебного въезда на старое кладбище. Она стояла немного в стороне от дороги, колёса с одной стороны ушли в подтаявший снег. На переднем сиденье лежала пустая бутылка из-под воды, на коврике виднелись комья земли. Самого Дэниела поблизости не нашли.

Работник кладбища, которого вызвали к воротам, вспомнил, что несколько дней назад разговаривал с молодым мужчиной у могилы недавно похороненной девушки. Мужчина спрашивал, может ли гроб оказаться пустым, если

захоронение никто не вскрывал. Смотритель тогда посоветовал ему обратиться в полицию. Он не запомнил, во что посетитель был одет, и не мог с уверенностью сказать, что перед ним был Дэниел.

От ворот к могиле Эмили вела узкая дорожка. На ней сохранились отпечатки обуви, частично размытые талым снегом. Пройдя мимо нескольких одинаковых рядов памятников, полицейские увидели, что возле одного из них земля сильно взрыхлена. Рядом лежала лопата с влажной деревянной рукояткой.

Края могилы осыпались внутрь. На дне виднелись доски гроба, наполовину скрытые землёй. Следователи вызвали работников кладбища, и вскоре место огородили. Марку сообщили только, что поиски будут продолжены здесь, и попросили вернуться домой.

Когда крышку приподняли, внутри обнаружили два тела.

Эмили лежала в платье, выбранном для её похорон. Рядом, прижавшись к ней плечом, находился Дэниел. Его куртка была испачкана землёй, на руках сохранились свежие ссадины. Одной рукой он обнимал девушку за спину. Пальцы другой были согнуты возле её плеча, словно в последние мгновения он пытался за что-нибудь ухватиться.

Голова Эмили была повёрнута к нему. Её лицо изменилось после смерти, и установить выражение, которое оно имело прежде, уже не представлялось возможным. Однако уголок рта оставался чуть приподнятым. При таком положении голов казалось, что девушка смотрит прямо на Дэниела.

Возле её руки лежал телефон с разбитым экраном. У него был деформирован один угол корпуса, задняя крышка отходила от основания. Родные опознали аппарат, который положили в гроб на похоронах. Включить его не удалось.

Второй телефон принадлежал Дэниелу. Его нашли рядом с правым локтем. Аппарат ещё работал. В галерее, среди сохранённых фотографий и снимков экрана, находилось изображение, сделанное ранним утром того дня, когда Дэниел исчез.

На фотографии были они оба. Дэниел лежал, повернув лицо к камере. Его глаза оставались открытыми, губы чуть разошлись. Рядом виднелось лицо Эмили. Из-за тесноты её голова была наклонена к нему, и знакомый приподнятый уголок рта создавал подобие улыбки. Кадр был снят с близкого расстояния, как обычный совместный снимок, каких в её архиве когда-то было множество.

Кто нажал кнопку съёмки, по фотографии определить было невозможно.

* * *

Последующие проверки позволили восстановить лишь часть событий. На записи с ноутбука в квартире Дэниела слышался дверной звонок. Он подходил к

входной двери, снимал задвижку и открывал её. Почти всё пространство за дверью закрывала его собственная фигура. Через некоторое время Дэниел возвращался один.

Соседи не вспомнили посетителей, которые могли бы приходить к нему в тот час. Женщина с нижнего этажа слышала звонок, но уверенности, что это происходило именно у двери Дэниела, у неё не было. Камера подъезда охватывала лестницу только до второго этажа; у входа в квартиру Дэниела записи не велись.

Сотрудник, принимавший заявление о странных фотографиях, подтвердил, что Дэниел действительно обращался в полицию. При этом никаких разрешений на вскрытие могилы Эмили ему не выдавали. На кладбище тоже не нашлось записей о проведении подобных работ. Лопата и следы возле захоронения позволяли предположить, что Дэниел раскопал могилу самостоятельно.

Что именно произошло с ним в первую поездку и почему он рассказывал о пустом гробе, осталось неизвестным. Марк считал, что бессонница и пережитое горе могли исказить его восприятие. Но он видел фотографии, которые приходили на телефон Дэниела, и помнил, как внимательно тот рассматривал знакомую улыбку Эмили. Кто отправлял снимки от её имени, установить так и не удалось.

Родители Эмили почти не разговаривали с журналистами. Они попросили прекратить расспросы о дочери и убрать из публикаций её похоронную фотографию. Родственники Дэниела тоже отказались обсуждать обстоятельства его смерти. Позднее обе семьи согласились, чтобы его похоронили рядом с Эмили.

Несмотря на это, история быстро разошлась по городу. Её пересказывали в кафе, в очередях, на лестничных площадках. В одних рассказах утверждали, что первый раз гроб нашли совершенно пустым. В других говорили, будто после смерти Дэниела телефон Эмили продолжал присылать сообщения. Кто-нибудь непременно добавлял подробности, которых не было ни в показаниях свидетелей, ни в материалах дела.

Чаще всего люди вспоминали последнее селфи. Многие были уверены, что фотография хранилась в разбитом телефоне Эмили. Другие утверждали, что Дэниел сделал снимок сам, когда забрался в гроб. Марк слышал обе версии и ни разу не пытался спорить. Он помнил, как выглядела Эмили на старых фотографиях, и оттого рассказы о её улыбке переносил особенно тяжело.

Весной он принёс на кладбище небольшую рамку с фотографией, которую Дэниел когда-то очень любил. На ней они с Эмили сидели на деревянной скамейке. Дэниел смотрел в сторону, а Эмили улыбалась прямо в объектив. На обратной стороне снимка её рукой было написано: «Потому что мы здесь счастливые».

Марк поставил рамку возле памятника и долго оставался рядом. По дороге домой он вспомнил запись с камеры в квартире Дэниела. Иногда Марк открывал сохранённый файл и останавливал его на том месте, где друг стоял перед распахнутой дверью. За его плечом виднелась лишь узкая полоска лестничной площадки. Для человека там оставалось достаточно места, но разглядеть кого-либо было невозможно.

Марк так и не узнал, кого Дэниел увидел за дверью.

На последнем листе блокнота осталось письмо, обращённое к Эмили. Дэниел написал его перед поездкой на кладбище. Позже этот лист стали называть прощальной запиской, хотя в последних строках он ещё строил планы на следующее утро.

Прощальная записка

Эмили, я должен рассказать тебе о том вечере. Я видел твой звонок в 19:12. Телефон лежал передо мной, экран светился, а я нарочно отвернулся. Я сердился на тебя и решил, что отвечу позже. Мне казалось, у нас будет достаточно времени, чтобы помириться.

Я не знаю, зачем ты звонила. Может быть, хотела сказать, что возвращаешься домой. Может быть, просила приехать за тобой. Я столько раз представлял этот разговор, что теперь боюсь перепутать придуманные слова с теми, которые ты действительно могла произнести.

После твоих похорон я продолжал слышать твои шаги в квартире. Сначала это случалось редко. Теперь я иногда оборачиваюсь ещё до того, как что-нибудь услышу. Мне стыдно признаваться, но сегодня я испугался тебя. Ты стояла в прихожей и улыбалась. Я хотел поговорить, а вместо этого отступил к стене.

Я хочу, чтобы всё прекратилось. Хочу тишины. Иногда мне кажется, что достаточно перестать смотреть на телефон, и тогда всё закончится. Но каждый вечер я снова жду 19:17. Меня пугает, что я уже не могу представить свою жизнь без этих сообщений.

Марк оставил мне номер врача. Завтра я обязательно позвоню. Только сначала должен ещё раз увидеть твою могилу.

Прости меня за тот звонок. Я так и не узнал, что ты хотела сказать…